
Александр Якутский

ПАНТЫ

Рассказ

И море, и Гомер — всё движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит...

О.Мандельштам

Никто и никогда не любовался тундрой со спины. С самого рождения лежит она, подставив солнцу плоский живот и две сопки-грудки, по-девичьи востренькие. А когда солнце вслед за гусями отправляется на зимовку, тундра натягивает на себя одеяло тучьего пуха и цепенеет в беспамятстве.

Одноглазое престарелое небо склоняется над ней все ниже и ниже, близоруко щурится бельмоватым зрачком, пытливо вглядывается в каждую пядь, дыша все чаще, порывистой и похотливой. От этого дыхания пух взмётывается вверх, обнажая тундровую заледенелую плоть, и долго потом носится в воздухе, не умея вновь собраться в тучу и податься вслед за гусями и солнцем. Тундра протяжно стонет во сне. Небо отшатывается, залившись нездорово-кислотным потрескивающим румянцем. Пух укладывается обратно, оставив в одеяле небольшую прореху у левой тундровой груди. В прорехе виднеется родинка: там Шеболда. Но об этом как-нибудь потом. Эта история обойдется и без Шеболды.

Эта история начнется, когда солнце вернется домой. Как всегда, опасаясь засады, сначала оно будет украдкой подглядывать из-за окоёма. Кинет беглый взгляд, звякнет несмелым лучиком по соску правой тундровой груди и тут же скроется вновь, затаив дыхание. Потом — еще, и еще один вороватый взгляд. Будто делает приседания, с каждым разом поднимаясь все выше и выше. И вот, наконец, показалось полностью и осматривается вокруг совсем по-хозяйски.

И то, что солнце видит на этот раз, ему не нравится. Откуда-то с юга (из самых, что ли, фараоновых земель?) взобрались по тундровому плечу на белоснежное одеяло, взобрались и ползут скарабеи, числом до двадцати. И скарабеи эти — неправильные. Дурнопахнущие сокровища при них, но не толкают их впереди себя, а волоком

Александр Якутский — программист, слушатель Литературной Мастерской Аствацатурова и Орехова. Родился в 1971 году. Рассказы печатались в журналах «Этажи», «День и ночь», входили в состав коллективных сборников. Автор книги рассказов «Зовите меня Измаил» (2020). Живет в Санкт-Петербурге и Юго-Восточной Азии. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

волокут, иногда всхрапывая и чуть привставая на дыбы. Сволокли в одну кучу, прямо в ложбину меж тундровых грудей, поворчали немного, отдышались и налегке поползли обратно. Трое, впрочем, остались. Стало быть, охранники.

Солнце раздраженно ходит из угла в угол, все сильнее и сильнее накаляясь от едва скрытого гнева. Тундре становится жарко под одеялом. Вот и первая капелька пота потекла по ложбинке, почти по подножию правой груди. За первой капелькой — вторая и сотая, сплошной уже поток, забурлил-заголосил Карбычах, и от его щекотного бега тундра наконец-то проснулась, вмиг сбросила ненужное больше одеяло и вся распахнулась ароматным своим телом солнцу навстречу.

Гигантская пузатая стрекоза плюхнулась рядом со скарабеевым богатством, вытолкнула из чрева с десяток людей, четыре собаки и кучу скарба. Улетела восвояси, чтобы вернуться еще четырежды, каждый раз привозя то новых людей, то бесконечные баулы-ящики. Люди оседлали скарабеев-охранников и растащили все привезенное по сторонам, превратив левый берег Карбычаха в слякотно-грязное пятно, усеянное кирпичиками балков — домиков на салазках.

Еще один раз, последний, прилетела стрекоза, оставив, помимо всего прочего, пару людей по фамилии Мандауровы. А еще их собаку, черную свирепую овчарку Мухтара, словно награжденную летним отпуском с места постоянной работы в остроге. Да и хозяйка — неопрятная худая баба с редкими сальными рыжими волосами из-под застиранной косынки — взгляд имела недобрый, Мухтару под стать. Муж ее, вида вполне робкого, часто поглядывал на жену, а потом каждый раз стрелял исподлобья во встречающих взглядом то ли заискивающим, то ли упраскивающим.

«Дрянь, а не люди», — тут же согласно порешили обитатели лагеря, но вслух ничего не сказали, потому что Мандаурова призвана была служить нам всем поварихой.

— Ты, Школяр, никогда не моги кусать жопу кормящей тебя руки, — сказал Тунгус, наслонявливая самокрутку на сон грядущий. — И смеяться над ней не моги. Хоть смешнее и глупее ее нет на всем белом свете. Не моги... Не в глаза, во всяком случае.

И не смеялись, а безропотно выполнили первое же ее указание — перетащить мандауровский семейный балок на правый берег Карбычаха. За ним тут же последовал и общий кухонно-столовый балок. Так что ходить в столовку стало нужно через мостик, вполне, впрочем, добротный. Но лагерь отныне разделился надвое. И не только Карбычахом.

Мухтару возвели громадную будку из прихваченного с далекой базы материала. Сразу было видно, что Мандауровым не впервой так обустраиваться. На время завтрака, обеда и ужина Мухтара сажали на цепь, с которой он рвался, роняя пену с губ на каждого, переходящего мостик.

— Хозяева, угомоните своего демона, будь он неладен, — ворчали геологи и работяги, торопливо перебегая мостик и поскорее ныркая в столовку.

— А чем он тебе помешал? — невозмутимо отвечала Мандаурова, облаченная в замызганный халат, перевязанный грязной бесцветной бечевкой.

— А ну как сорвется? За мостик к нам припрется, порвет кого ни то?

Впрочем, все знали, что такого никогда не случится: Мухтар на левый берег никогда не придет. Хоть колбасой его помани. Когда его спускали с цепи во внеобеденное время, он подходил к мостику, брезгливо нюхал его и тут же, брезгливо же рыча, убирался обратно, в свою будку. На левом берегу безраздельно властвовал Примус — огромный маламут с бирюзово-безумными глазами. На вид в Примусе не было той свирепости, что так и брызгала из Мухтара, но любой мало-мальски сообразительный

человек или зверь ни за что не заступил бы Примусу дорогу, хоть раз увидев его недобрый оскал.

— Что за глупое имя ты псу дал? — спросила Мандаурова как-то раз Диму. — Керосинкой кобеля называть, разве ж это дело?

— Сама ты керосинка, — возразил Дима, лениво поглаживая бороду. — «Примус» — значит «первый». По-латински, — и сыто рыгнул.

— Ишь, итить маму вашу, — буркнула Мандаурова. — Латинцы, глядь.

И запарила в большой миске сухой лук, начиная готовить ужин.

Дима был весь под стать своему псу. Не сказать что громадного, но очень приличного роста, мускулист и совсем без намека на лишний жир. Красивое лицо с носом вполне римским. Геологическая одежда сидела на нем как влитая, будто он — кадровый офицер, а не «работник лотка и молотка». Его ружью, вертикалке двенадцатого калибра, украшенному затейливой резьбой по цевью и ложу приклада, завидовал не только Школяр, но и все без исключения мужики в лагере.

Дима понимал о себе всё. Он знал, что их с Примусом фотография вполне украсила бы обложку джек-лондонского «Зова предков». Так что и вел он себя подобающе, будто в каждую секунду может щелкнуть затвор фотоаппарата и невесть откуда взявшийся фотограф воскликнет: «Ну, вот и готово!»

Разговаривал он небрежно, через губу, не глядя на собеседника. Ходил неспешно, никогда не волочил ног. За красиво седеющими бородой и гривой волос ухаживал трепетно.

— Ты кому так красуешься, Димитрий? — интересовался Тунгус, сворачивая козью ногу перед костром, который они каждый вечер разводили на своем, левом берегу.

— Себе, конечно. Кому же еще? Вот вернемся в поселок — мне там каждая баба рада будет. Не на вас же, сморчков затертых, им смотреть. Тут и придется мне за всех отдуваться, — говорил Дима и шерил крепкие белоснежные зубы в беззвучном хохоте.

— Это ты верно говоришь, — кивал Тунгус задумчиво. — Я здесь тебе точно не помощник. А что, Димитрий, когда в поселок? Как мыслишь?

— Как обычно — после первого снежку и засобираемся. Так что недолго нам тут торчать.

— Вот уж сомневаюсь я, однако, — печально покачивал головой Тунгус.

— А что такое, дядя Тунгус? — встревал Школяр.

— Да вот видишь ли, Школяр, первый снежок — штука ненадежная, когда он еще сыпанет... Ладно, если не припозднится. А коли лето на Карбычахе задержится, что тогда делать будем? Как-то раз снег аж в начале октября выпал...

— Ну, досидим и до начала октября, что нам? — удивился Школяр несерьезности угрозы. Школа, выпускной класс? Ну, значит, для него начнется в октябре. Чем плохо?

— Мы-то с тобой досидим, стар да млад, — соглашался Тунгус. — А вот Димитрий — навряд. Видишь, как он загодя напوماдил. Уже там у него посвёрбывает, замечаешь? А ведь только июнь к середине. А коли снег припоздаст — так и вовсе не вмоготу ему станет, того и гляди Мандаурову седлать начнет, а она от любви своей станет нам суп пересаливать. Так ведь, Димитрий? — спрашивал Тунгус, заглядывая Диме в глаза.

Тот вдруг смущался, густо сплевывал под ноги и уходил от костра, бормоча в усы ругательства. Все у костра взрывались долгим хохотом, а потом Тунгус выбирал другую жертву для шуток, так что ржание раздавалось у костра до самой полуночи. Отчего-то Мандауровой доставалось чаще других (не в глаза ведь).

Тут даже Школяр сумел добыть на свой счет несколько драгоценных очков: рассказал нам о древнем городе Уре. Ему долго не верили, говорили, что только что выдумал, но когда Тунгус подтвердил задумчиво: «Да, я тоже что-то такое слышал...», пришли в полный восторг, и с той поры повариха иначе как Уровой промеж них не называлась.

Так и жили. Днем — изматывающая работа лотками и молотками, бурение, промывание и прочий отбор образцов, кормление комаров с перерывом на невкусный мандауровский обед под мухтаров рык. Вечером — бесконечные посиделки у костра под чаек и реготание, не всегда добродушное. Утром Школяр кое-как разлеплял глаза и клялся себе, что сегодня вечером у костра сидеть не будет, а выспится наконец-то как следует. Но ни разу своей клятвы не сдержал.

И тут, откуда ни возьмись — август и осень. Задождало, зажелтело вдруг, и невзначай куда-то делись комары. Как-то раз Тунгус взял Школяра с собой на правую тундровую грудь. За три часа поднялись на самый верх, и пока Школяр остолбенело смотрел на открывшуюся глазам бескрайность, Тунгус задрал лицо вверх, подставил ноздри ветру и глубоко вдохнул его, почти весь, за несколько раз. Покачал головой и повел Школяра вниз, уже в сумерках. Часа через полтора подошли к лагерному костру. Тунгус уселся и начал крутить свою сигарку. Все молчали, поглядывая на него. Он закурил и вместе с первым дымом выдохнул весь ветер, пойманный им на сопке. Ветер опустился звонким инеем на ягель.

— Да... — сказал кто-то. — Пора собираться потихоньку.

Помолчали.

— Надо бы на промысел сгонять сначала. Не с пустыми же руками в поселок возвращаться, — сказал Дима.

Все согласно закивали, и на следующее же утро шестеро мужиков заявили начальнику отряда, что бурундук — птичка.

— Да ладно вам, — заканючил было он. — Рано еще. Давайте еще поработаем, хоть одну скважинку пробуруем...

Но ему объяснили, что Тунгус уже поднимался на сопку и дышал ветром, и что по всему выходит: пора. Школяр — свидетель. А бурундук — птичка.

Начальник махнул рукой, и закипела работа. Мужики в полдня разобрали и собрали маленький «ДТ-75», проверили все траки в гусеницах, поменяли самые изношенные, насыпали в сани запасных траков и пальцев. Смазали все, что мажется, подкрутили все, что крутится.

Начотряда ворчал: «Вы бы так для работы старались!» Но ворчал добродушно и одобрительно.

Другие в это время собирали удочки, сети, ведра под ягоду, короба и баулы под прочую дичь. Чистили свои дробовики, ТОЗовки и карабины, набивали патроны дробью и картечью. Дима заколотил даже пару жаканов — вдруг медведь?

Школяр ходил кругами и поскуливал. Но на него никто не обращал внимания.

— Не тоскуй, Школяр, — успокаивал его Тунгус. — Зацветут и на твоей улице пеньки. На моей вот уже отцвели, а не хнычу ведь? Хоть мой случай твоего и не в пример злее.

Мандауровы на эту суету не обращали ни малейшего внимания. Она кашеварила, как в любой из других дней, а он не вылезал из их семейного балка.

Наутро, чуть забрезжило, «ДТ-75» с полдюжиной мужиков в нагруженных промысловым скарбом санях отправились за добычей, нещадно взрезая полозьями ягель. Дима сидел на облучке саней, обхватив свою вертикалку руками.

— Добыткики... — бросила им вслед Мандаурова.

Ее муж молча стоял рядом, смотрел на уползающий гусеничный дилижанс и ухмылялся каким-то своим мыслям. Мандаурова вздохнула, буркнула что-то себе под нос и отправилась в столовку запаривать сухой лук.

Вернулись добыткики через три дня, к обеду. Сани были гружены с верхом, так что Дима и еще кто-то стояли сзади на полозьях, на манер аляскинских погонщиков собак. Остальные плашмя лежали на грузе, а чтобы не свалиться, крепко вцепились в перехватившие груз веревки.

Потом делили добычу. Школяру досталась пара копченых омулей, кусок копченого же оленьего окорока и большая бадья морошки.

— Хорошая добыча, порадуешь мамку. Только ягоду сахарком пересыпь, а то не дотерпит до поселка, — посоветовал ему Тунгус, обдергивая перья с откормленного гуся, огорошенного дробью в самом начале путешествия в фараоновы земли.

Добыткики рассказывали, что да как. Как стреляли, попадали и «мазали», как ловили и тут же коптили, как мокли и мерзли, как кому-то не повезло, а кому-то зато, а вот, помню, как-то раз, да не заливай ты!.. Обычная, в общем, послеохотничья говорильня.

И тут Школяр заметил, что Дима занят чем-то странным. Он достал из саней пару рогов и снимал с них шкуру. Рога у северного оленя покрыты кожей с короткой шерстью, ее Дима и снимал, как чулок, надрезав, где надо. Оголилась роговая кость, на кончиках которой Школяр увидел что-то противно-красное.

— Это панты, — объяснил Дима. — Так у них рога растут. На кончиках — вот эти самые панты, хрящи. Они растут и постепенно костенеют.

Он отрезал панты, сложил их в бумажный пакет, роговую кость отбросил в сторону и направился к саням за следующей парой.

— А тебе они зачем? Есть, что ли? — спросил Школяр, еле скрывая брезгливость.

— Пить, — серьезно ответил Дима. — Вот вернемся в поселок, я их самогоном залью, чтоб настоялся. Через недельку начну пить, грамм по сто в день. И еще через недельку у меня елдак так задымится, как у этой ДЭТэшки труба выхлопная. А вот зачем елдаку дымиться — это тебе, Школяр, знать пока ни к чему... — добавил Дима и заржал.

Школяр покраснел. Он слишком хорошо знал зачем. И много раз показывал тундре, один на один.

Но Диме на школярское смущение было наплевать. Набив пакет напитанных кровью хрящей-пантов, он кряхтя полез под свой балок, снял слой ягеля и хилого тундрового дерна до самой мерзлоты, острым концом молотка выдолбил небольшую ямку, положил в нее пакет и прикрыл сверху как было. Устроил, в общем, геологический холодильник.

День пролетел незаметно, не то что обычный рабочий. Отправились по нарам.

А среди ночи, часа в три, ангел вострубил...

Ах да! Суки! Я совсем забыл о них рассказать.

Ведь в начале сезона в лагерь привезли не только Мухтара и Примуса, а еще трех не шибко породистых сук. Все как одна — ласковые, игривые и похотливые. Сношались с обоими кобелями часто и не без результата. Герда обрюхатилась, набухла сосками и разленилась. Придется мне в поселок с выводком возвращаться (топить щенков, а тем более бросать на погибель в тундре у нас не принято). Две другие, Матильда и Стерва, пока что признаков будущего материнства не показывали, но за компанию

отошли вместе с Гердой от лагеря подальше, охотились на евражек. Мы их почти и не видели.

И вот часа в три ночи лагерь проснулся от дикого визга. Визжали суки, перепуганные чем-то не на шутку. Повыскакивали мы из балков, с ружьями, палками и фонариками. А что толку с тех фонариков?! Хорошо хоть, палить с перепугу не начали куда ни попадя, на звук. Народу бы полегло...

Кто-то догадался пробраться к костру, разворошить угли, подбросить сучьев. Стало светлее, по ягелю забегали тени. А визг, до того хаотично мечущийся по тундре, тут же понесся к самому лагерю, прямо на нас. Все как один выставили стволы в сторону приближающегося ужаса. Когда в круг света от костра вскочила перекошенная страхом морда, кто-то спустил курок. По счастью, то ли спросонья, то ли от нервяка, стрелок жажнул мимо, Матильда осталась жива. Она, а за ней Герда со Стервой, не переставая визжать, кинулись к мостику и убежали на правый, мухтаровско-мандауровский берег. Мухтар, само собой, уже бесновался на своей стороне, у самого мостика.

А где же Примус? Да вот он! Выскочил из тьмы следом за суками, морда в кровище, с клыков кровавая пена каплет. Загрыз, что ли, кого? Взбесился?

Примус ринулся за суками к мостику, но... остановился, тяжело дыша, безотрывно глядя налитыми кровью глазами на Мухтара. Нет, не взбесился... Соображает. Но что случилось-то?

— Примус, блядь! — раздался вдруг Димин рёв.

Да что они сегодня, сговорились все, что ли, орать среди ночи как потерпевшие?! Мы посмотрели на Диму. И всем все стало ясно.

Дима держал в руках растерзанный бумажный пакет, в котором давеча прятал свои драгоценные панты. Примус, зараза, как видно, добрался до холодильника и злоупотребил. И мгновенно задымился, бедолага. И возжелал. А сукам-то такое нетерпение — в диковинку и в страх.

— Примус, ко мне! — заорал опять Дима, подхватывая случившийся под рукой молоток. — Сюда иди, скотина!

Примус тяжело повернул шею, внимательно посмотрел на Диму.

— Ко мне, кому я сказал! — надрывался тот.

Примус сделал шаг навстречу хозяину, даже слегка склонив повинную голову. Дима тоже шагнул вперед, коротко размахнулся молотком и резко опустил его между примусовых ушей. Вернее, целился туда. В последний момент Примус уклонился и тут же ринулся вперед, разочек клацнув зубами. Дима заверещал, как ребенок, выпустил молоток, схватился за руку и рухнул на ягель. Из глаз у него хлынуло. А еще из носу, совсем по-детски.

Примус припал на передние лапы, ощерил клыки, напряжился весь... Единый «ах» пронесся над лагерем. И никто даже не подумал поднять винтовку, или хотя бы топнуть ногой, или заорать...

Вдруг из диминого балка выскочила Мандаурова, на ходу кутаясь в свой застиранный халат. Она кинулась к Диме, упала перед ним на колени, схватила его руку, из которой хлестала кровь, заозиралась по сторонам: чем бы перевязать? Увидела Примуса, изготовившегося к прыжку, но замершего в недоумении. Махнула ему рукой:

— Иди, Примус, иди отсюда, мой хороший. Потом, потом. Все хорошо будет. Потом поговорим...

И, бормоча так, она скинула халат по пояс, обнажив тощие ландорики грудей, оторвала от халата рукав (легко пошло) и опять склонилась над Диминой рукой.

Примус выпрямился, потянулся, далеко оттопырив задние лапы, зевнул, повернулся и пошел... на мостик. Ступил на него, понюхал первую перекладину, потом легко перескочил на правый берег и двинулся прямо на Мухтара. Не скаля клыков и не прижимая яростно ушей. Он даже дышал спокойно. Просто шел, глядя Мухтару в глаза. А тот попятился-попятился и вдруг юркнул в свою будку. Примус подошел к будке, поднял лапу, звучно помочился на угол. Вдумчиво понюхал. Потом одним коротким прыжком вскочил на будкину крышу. Заскользил было на покатам склоне, чуть не рухнул, но — удержался, выровнялся, устоял, задрал морду и тягостно-протяжно пожаловался о чем-то небу, тоже разбуженному всеобщим переполохом.

— Вишь ты, значит, как... — сказал Тунгус, плюнув в ладонь и затушив в лужице слюны свою неизменную самокрутку. — Скотина, а тоже — тварь Божия. Жалостно ему. Вишь, Школяр?

Школяр не ответил. Он прислушивался. Из-под протяжного Примусова воя можно было расслышать еще какие-то звуки. Поначалу Школяр даже подумал, что это скулит Мухтар, забившийся в угол своей будки. Но нет. Школяр чуть повернул голову. Звук стал явственнее. Он доносился со стороны мандауровского балка.

— Дядя Тунгус... — начал Школяр, поворачиваясь и чувствуя, как губы растягиваются в глупой ухмылке.

Повернулся и осекся, не договорил. Тунгус стоял, предостерегающе вскинув руку. Вдруг стало очень тихо. Даже Карбычах перестал баловаться камешками на дне. Мертвая тишина, как и не было пять минут назад криков, воя и всеобщей суеты.

Тунгус резко опустил руку. И по начертанному им пути с неба на землю мгновенно протянулись миллионы нитей. Карбычах вскипел, всхрапнул, вскинулся, как подстегнутая кобыла, и потащил свои воды на север, подальше от лагеря.

Он пер локомотивом всю ночь, не уставая набирать обороты, подпитываемый небом. Утром на одном из перекатов он увидел оленя, лежащего на берегу у самой воды. Мутный олений глаз уставился в небо, а из головы торчали два маленьких окровавленных пенька-обрубка. По месту, с которого срубили задние ноги, уныло копошились сотни комаров и мух. Мухи чувствовали мертвую плоть и спешили отложить в нее яйца. Комары тоже спешили: им нужна кровь, чтобы оплодотвориться. Они чувствовали эту самую кровь и раз за разом вонзали в холодные оленьи останки свои хоботки. Но оленье сердце не билось, не качало кровь, не нагнетало давления. Комариные хоботки оставались пустыми.

Карбычах гневно вспенился, подхватил оленя и уволок его с собой, на север, где влился в величавую Лену, позабыл свое имя и докатился до самого могучего тундрового лона, призывно пахнущего солью и рыбой. И, не достигнув океана, замер, превратившись в лед. На долгие-долгие месяцы. До следующих скарабеев.